

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ

ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК VIII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

Главный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**;
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**;
доктор философских наук **О.М. Хомушку**;
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**;
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. VIII. – 316 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В журнале представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Издание подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2015

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL AND RELIGION
SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION
HOVDSKIY STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND SCIENCE OF MONGOLIA

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VIII ISSUE

Barnaul – 2015

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences);
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences);
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences);
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences);
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences);
S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2015. – VIII issue. – 316 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Вадецкая Э.Б.</i> Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры.....	7
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II.....	20
<i>Илюшин А.М.</i> Кенотафы и полукенотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.....	29
<i>Кожя М.Б.</i> Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса	34
<i>Король Г.Г.</i> Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая.....	47
<i>Миягашев Д.А.</i> Окуневские святилища в контексте изучения культовых мест Сибири.....	63
<i>Мунхбат Д.</i> Первые формы религиозных верований, возникших среди древних монголов	73
<i>Нуржанов А.А., Муратова С.Е.</i> Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.).....	79
<i>Рыбаков Н.И.</i> Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв.	93
<i>Сериков Ю.Б.</i> Мегалитические культовые объекты древнего Урала	101
<i>Терновая Г.А.</i> К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии).....	122

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен.....	138
<i>Гельдыниязова О.А.</i> Символика казана у туркмен	152
<i>Монгуш М.В.</i> Христианские общины Тувы: краткий очерк	159

<i>Осмонова Н.И.</i> Слово как символ в традиционной культуре кыргызов	175
<i>Тишков Ю.В.</i> Святилище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси	189
<i>Ямаева Л.А.</i> Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир	202

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Брежнева С.Н.</i> Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане.....	211
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в.	223
<i>Дашковский П.К., Зиберт Н.П.</i> Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг.	230
<i>Дашковский П.К., Шершинева Е.А.</i> Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	242
<i>Жанбосинова А.С.</i> Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом	264
<i>Кацаева М.В., Белецкий А.Ю.</i> Состояние католических общин на Алтае в конце XIX – XX в.	276
<i>Почекаев Р.Ю.</i> От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи)	283

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Руденко К.А.</i> Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии	294
---	-----

Раздел V. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Вторая международная научная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии» в Барнауле	302
Список сокращений	307
Сведения об авторах	309

Библиографический список

Вебер В. Советские немцы: сохранить веру вопреки судьбе // Вебер В. На пути к свободе совести. М., 2009. С. 366–377.

Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 437 с.

Дьяков В.А. Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832–1855) // Библиотека Якова Кротова. 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/19/1840/dyakov1996.htm>.

Масленников А.В. Римско-католическая церковь в Сибири. Проблемы и реформы в начале XX в. // Вестник Том. гос. ун-та. 2003. №276. С. 140–142.

Масярж В. Поляки в Восточной Сибири, 1907–1947 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1995. 43 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXV. Отд-е 1. 1905 г. СПб., 1908. 1109 с.

Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. 252 с.

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

ОТ ТАМГИ К ЗАКЯТУ. ТОРГОВЫЕ НАЛОГИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ПРАВОМ (ОТ ДЕРЖАВЫ ТИМУРИДОВ ДО ПРОТЕКТОРАТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)*

Предпринята попытка проследить эволюцию торгового налогообложения в государствах Средней Азии со времени существования державы Тимуридов (XIV–XV вв.) до установления российских протекторатов над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством во второй половине XIX – начале XX в. Анализируется процесс замены имперского тюрко-монгольского налога «тамга» традиционным мусульманским сбором «закят», рассматривая его в контексте сосуществования монгольских имперских и исламских ценностей в регионе. Также выявляются причины, по которым среднеазиатское мусульманское духовенство активно выступало за отмену тамги в XV–XVI вв. и по которым российская администрация в Туркестанском крае сочла целесообразным сохранять закят в качестве основного торгового налога вплоть до последней четверти XIX в., а в ханствах Средней Азии – и до начала XX в. (даже после включения их в российскую таможенную черту).

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322.

В результате автор приходит к выводу, что на всех этапах исторического развития среднеазиатского региона представители властей в своей налоговой политике старались найти компромисс между защитой государственных интересов и учетом религиозного мировоззрения местного населения.

Ключевые слова: история Средней Азии, Монгольская империя, Тимуриды, Российская империя, налоговая система, торговые налоги, мусульманское право, тамга, закят, религиозное мировоззрение.

Среднеазиатский регион исторически и географически считался одним из важнейших в системе торговых связей Евразии, поэтому неудивительно, что одним из важнейших источников доходов правителей существовавших здесь государств были торговые налоги и сборы. Впрочем, в течение длительного времени никакой упорядоченной системы торгового налогообложения в Средней Азии не существовало, она стала формироваться лишь в эпоху Монгольской империи, когда на ее территории был введен универсальный налог «тамга», сохранившийся в отдельных улусах и после ее распада (Ratchnevsky P., 1972, p. 170).

Хотя сам принцип обложения специальным сбором товаров, находящихся в торговом обороте, в зависимости от их стоимости был заимствован из китайской налоговой практики, его название и механизм взимания базировались на тюрко-монгольской правовой традиции. Термином «тамга» изначально обозначались родовые знаки, которые проставлялись на различных объектах (скот, движимое имущество, маркеры границ территориальных владений) как идентификатор их принадлежности конкретному лицу, семейству, клану и т.д. Практика проставления подобных знаков имела широкое распространение не только среди тюрко-монгольских народов, но также в древнем и средневековом Иране и на Кавказе, т.е. была универсальной на всей территории Евразии (см., например: Драчук В.С., 1975; Яценко С.А., 2001; Doerfer G., 1965, s. 554–565).

Однако именно в Монгольской империи тамга правящего рода превратилась сначала в аналог государственного герба, а затем этим термином стали обозначать и печать, на которой содержалось изображение того же знака, который, таким образом, означал принадлежность империи и всего имперского имущества правящему роду потомков Чингис-хана (Рашид ад-Дин, 1946, с. 276). Поскольку право Чингис-хана и его рода на верховную власть, как считалось, обеспечивало их происхождение и божественное покровительство — харизма (см. подробнее: Скрынникова Т.Д., 2013), то их родовая

тамга в какой-то степени символизировала именно эту харизму. Соответственно, когда торговцы, как подданные монгольских ханов, так иностранные, либо пересекали границу (перевозя товары сухопутным путем), либо входили в порт (если товары доставлялись по морю), особые чиновники «тамгачи» оценивали их товары, взимали определенный процент с их стоимости и в знак того, что сбор произведен, проставляли на упаковке тамгу – тот самый знак хана или ханского семейства, который означал поступление средств в государственную казну. Таким образом, этимологически название налога прямо происходило из названия соответствующего родового знака и (впоследствии) герба ханского рода. Тамга как основной торговый налог взималась во всех улусах Монгольской империи (Золотая Орда, Государство ильханов в Иране, Чагатайский улус в Средней Азии, империя Юань в Китае), различаясь по ставке, составлявшей в разное время и в разных регионах – от 3 до 10% (Mas Latrie L. de, 1868, p. 588; 1870, p. 21; Petrushevsky I.P., 1968, p. 170).

После того, как к власти в Чагатайском улусе пришел Амир Тимур (Тамерлан), он сохранил практически в неприкосновенности основные принципы и нормы монгольского имперского права, в том числе и таможенный сбор. Однако в середине XV в., когда единое государство в Средней Азии распалось и авторитет власти тюрко-монгольских правителей, соответственно, существенно снизился, на политическую сцену стали выходить новые влиятельные политические силы, уже в меньшей степени опиравшиеся на старинные имперские традиции, а порой и противопоставлявшие себя им. Одним из проявлений этого противостояния стала борьба среднеазиатского мусульманского духовенства против тюрко-монгольских имперских правовых институтов, включая основы законодательства (яса Чингис-хана), суд на его основе (дзаргу/яргу) и налогообложение (тамга).

К числу самых яростных противников чингизидского наследия в Средней Азии относился знаменитый священнослужитель Ходжа Ахрар, предводитель мусульманского духовного ордена (тариката) накшбандийа. Выдающийся поэт Абдуррахман Джами в своей поэме «Силсилат аз-захаб» так описывает его заслуги:

Очистил он милостью и строгостью
Мир от дыма рода Чингиса.
Его усилия с подола веры правильным мнением
Клеймо тамги и грязь яргу смыли.

(цит. по: Болдырев А.Н., 1985, с. 55).

Аналогичные процессы мы можем наблюдать в этот период времени и в других тюрко-монгольских государствах на пространстве бывшей Монгольской империи, в частности в Иране. В связи с этим возникает вопрос: почему же мусульманское духовенство было настроено так воинственно именно по отношению к таможенному налогу? Формальной причиной было, конечно, то, что этот налог (как и многие другие принципы монгольского имперского права) противоречит канонам шариата. Этого было достаточно для того, чтобы обеспечить поддержку в этой борьбе со стороны местного населения, которое в условиях упадка власти тюрко-монгольских правителей вновь стало больше ориентироваться на мусульманские догмы, а не на имперское законодательство. Однако, по нашему мнению, подлинной причиной позиции мусульманского духовенства было стремление увеличить свое политическое влияние на правителей. Дело в том, что налоги, предусмотренные шариатом, формально должны были собираться в пользу мусульманской общины, соответственно, контроль за их сбором и распоряжение собранными средствами в значительной степени зависели от мусульманских духовных лидеров – имамов, шейхов и пр. Имперские же налоги собирались государственными чиновниками и поступали непосредственно в ханскую казну, давая, таким образом, материальную независимость светским правителям от духовенства. И своеобразным символом этой независимости был именно налог тамга, поскольку при его взимании проставлялся родовой знак правителей, который, как мы помним, символизировал харизму правящего рода и, следовательно, демонстрировал право тюрко-монгольских правителей на власть на совершенно ином основании (происхождение и небесное покровительство), чем то, которое признавали мусульманские священнослужители (воля Аллаха). Соответственно, отмена тамги должна была свидетельствовать о том, что тюрко-монгольские правители отказываются от «языческих» факторов легитимации своей власти и готовы признавать исключительно шариатские принципы государственного устройства и нормы права.

Впрочем, если Ходжа Ахрар даже и добился каких-то успехов в борьбе с чингизидским правовым наследием, то успехи эти были непродолжительны. До нас дошел ряд грамот Тимуридов – гератского Султан-Хусейна Байкары, ферганского Омар-шейха (отец знаменитого Бабура), правивших в 1470–1490-е гг., в которых, помимо чисто «мусульманских», упоминаются и «монгольские» налоги, в том числе и тамга (Григорьев А.П., 1978, с. 95, 101, 110). В этом отношении Тимуриды не были одиноки: сохранить тамгу в качестве

основного торгового налога старались, в частности, современные им правители Ирана из туркменской династии Ак-Коюнлу, которые в гораздо большей степени, нежели потомки Тимура, противопоставляли себя Чингизидам и их политико-правовому наследию. Тем не менее, несмотря на то, что и в Иране духовенство в этот период времени всячески старалось заставить власти отменить тамгу как налог, противоречивший шариату, правители предпочитали идти на компромисс с ним: не отменяя этот сбор окончательно (хотя и обещая сделать это), они снизили его ставку с 10 до 5%, а также освободили от его уплаты паломников (Фазлуллах, 1987, с. 70; Эфендиев О.А., 1979, с. 171).

Несмотря на враждебное отношение к тамге влиятельного мусульманского духовенства, еще в XVI в. она продолжала использоваться в Средней Азии в качестве основного торгового налога (Лунев Ю.Ф., 2004, с. 100). Ее сохранение объясняется тем, что в это время потомки Тимура были изгнаны из Чагатайского улуса, и на трон вступили ханы-Шайбаниды, прямые потомки Чингис-хана, эффективно сочетавшие в своей правовой политике нормы имперского (чингизидского) права и шариата. Тем не менее в исторических сочинениях и актовых материалах XVII–XVIII в. упоминаний о тамге в Бухарском ханстве (затем – эмирате), Хивинском или Кокандском ханствах мы уже не встречаем. Означает ли это, что правители Средней Азии, пойдя навстречу требованиям мусульманского духовенства и поддерживавшего их населения, отказались от столь существенного источника дохода? Конечно же, среднеазиатские монархи не забывали о своих интересах и в силу этого сумели вновь найти компромисс с духовенством и нормами шариата, заменив монгольскую («языческую») тамгу традиционным мусульманским налогом «закят».

Закят в мусульманской правовой доктрине – один из основных налогов и подробно регламентируется. Он представляет собой ежегодный сбор в пользу мусульманской общины (неимущих, духовенства, самих сборщиков налогов и т.д.), которым облагалось имущество сверх определенного количества. Поскольку платили его с торговой прибыли, денег, драгоценных металлов, он в какой-то мере являлся и торговым налогом, составлявшим 1/40 (2,5%) от стоимости товаров (Бурхануддин, 2008, с. 80–81; Керимов Г.М., 2007, с. 244–252). Своеобразным компромиссом между властями и духовенством стало то, что теперь закят (формально по-прежнему взимавшийся на благотворительные цели) стал теперь собираться специальными ханскими на-

логовыми чиновниками «закетчи» и, соответственно, поступал в распоряжение монархов (а частично и в казну региональных правителей – беков), а не духовенства (Семенов А.А., 1929, с. 43–48).

Поскольку закят был прямо предусмотрен шариатом, его взимание не могло вызвать нареканий ни со стороны духовенства, ни со стороны мусульманского населения среднеазиатских регионов. Поэтому этот налог стал едва ли не основным, которым облагались все категории населения, признававшие подданство того или иного хана. Иногда закят являлся, по сути, единственным налогом, которым ханы облагали родоплеменные подразделения или населенные пункты, лишь недавно признавшие их подданство: как мусульмане, они были обязаны платить такой налог наравне с другим населением того или иного ханства (Брегель Ю.Э., 1961, с. 188–191; Документы архива..., 1967, с. 31, 129).

Важно отметить, что закят взимался не только с «правоверных» мусульман, но и с «неверных», привозящих товары в ханство. Так, согласно сообщениям западных путешественников, в Бухарском эмирате еще в 1870–1880-е гг. существовал ряд специальных (по сути – таможенных) постов – на Амударье, в Ташкургане и в самой Бухаре, на которых особые чиновники взимали закят с ввозимых в эмират товаров и иного имущества (Messurier A. le, 1889, p. 178). Это позволяет сделать вывод, что мусульманский закят в полной мере заменил в качестве торгового сбора тюрко-монгольскую тамгу.

Итак, в отличие от тамги, закят в полной мере признавался и одобрялся мусульманским духовенством и местным населением. Поэтому когда в результате завоеваний 1860–1870-х гг. Российская империя присоединила к своим владениям Туркестанский край и установила протекторат над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, русской пограничной администрации также пришлось считаться с этим фактом. В результате первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман счел целесообразным официально сохранить закят в мусульманских областях, присоединенных к России. Согласно параграфу 296 «Проекта Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» (Материалы по истории..., 1960, №117, с. 282–316), местные торговцы должны были уплачивать закят «в прежнем размере, т. е. 2,5% в год с торгового капитала». Уплатившему закят торговцу выдавалась квитанция, фактически заменявшая свидетельство на право торговли (параграф 305 «Проекта»). Таким образом, закят признавался российскими властями в качестве не религиозного шариатского, а исключительно «светского» торгового

налога, тем не менее его сохранение при новых властях в глазах среднеазиатского мусульманского духовенства и местного населения являлось показателем уважения их религиозных ценностей.

Однако уже некоторое время спустя Кауфман считал, что своими уступками в пользу мусульманских правовых традиций уже сумел обеспечить лояльность и поддержку местного населения (включая и мусульманское духовенство) российскими властями. В связи с этим он приступил к следующему этапу интеграции Туркестана в имперское политико-правовое пространство, которое связывал с окончательным вытеснением мусульманских административных и правовых традиций российскими государственными и правовыми институтами. Уже в 1875 г., по согласованию с Министерством финансов, ввел в Туркестане действующее в России общее положение о пошлинах, согласно которому вместо закята с торговцев стали взиматься те же сборы, которые действовали на всей остальной территории Российской империи (Проект..., 1885, с. 409; Нива, 1874, №35, с. 560). Примечательно, что свои действия генерал-губернатор обосновывал отнюдь не стремлением привести туркестанское законодательство и налоговую систему в соответствие с общеимперским, а чисто прагматическими причинами. По его словам, для эффективного взимания закята необходимо было создать в ряде населенных пунктов Туркестанского края соответствующие конторы, организовать склады, на которых производились бы осмотр и оценка товаров и т.д. Таким образом, административные расходы перевешивали ту выгоду, которую давал России сбор закята (Проект..., 1885, с. 406–408). Впоследствии, несмотря на попытки преемников Кауфмана на посту туркестанского генерал-губернатора пересмотреть некоторые его распоряжения в отношении мусульманских институтов в Туркестане, налоговая политика первого начальника края была продолжена. Согласно п. 322 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г. (ПСЗРИ, 1888, №3814, с. 320–346), предусматривалась обязательная выдача торговых свидетельств, патентов и билетов, что фактически означало отмену закята, квитанции об уплате которого, как отмечалось выше, приравнялась к этим документам.

Тот факт, что Бухарский эмират и Хивинское ханство, формально сохранив независимость, фактически стали российскими протекторатами-вассалами, обусловил попытки российской администрации в Средней Азии провести в них налоговые реформы, в том числе и в отношении торгового налогообложения. Конечно, в силу юридической самостоятельности этих государств российские власти

не имели возможности осуществить коренные преобразования в данной сфере, поэтому попытались повлиять на местных правителей, чтобы те внесли хотя бы отдельные изменения в торговое налогообложение.

Например, в Хивинском ханстве была предпринята попытка сделать некоторые изъятия в уплате закята. Так, сначала российские пограничные власти последовательно отстаивали право российских торговцев не платить закят при торговле в Хиве (Гандемианский договор..., 1952, с. 132). Затем освобождение от уплаты закята было распространено и на тех хивинских торговцев, которые совершали сделки с русскими (ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 8/15). Таким образом, имперской администрации удалось убедить хивинские власти если и не полностью отменить один из основных мусульманских налогов, то, по крайней мере, дать налоговые льготы представителям определенных категорий населения – причем как российского, так и местного. Интересно отметить, что, демонстрируя скрупулезное следование русско-хивинским договоренностям (в первую очередь – Гандемианскому мирному договору 1873 г.), российские власти сами указывали хивинским властям, что претендовать на освобождение от закята имеют право только те русские купцы, которые располагают соответствующими торговыми документами – с неимевших таковых хивинские власти имели право требовать уплаты соответствующего налога (ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 159/8).

Впрочем, далеко не всегда инициативы российских властей встречались в ханствах Средней Азии положительно. В 1895 г. хивинский хан, идя навстречу пожеланиям местных деловых кругов, напротив, решил обложить закятом и русско-подданных предпринимателей и торговцев, ведущих дела в ханстве; примечательно, что он обосновал такое решение условиями Мирного договора 1873 г., согласно п. 9 которого от закята освобождались не все русско-подданные, а именно *русские* купцы. Со своей стороны, российские пограничные власти, когда им было сообщено о решении хана, согласились на это при условии, что аналогичным налогом будут облагаться и хивинские купцы в российских владениях (Ниязатов М., 2010, с. 231–233). В дальнейшем Амударьинский отдел сумел добиться частичной отмены закята для русско-подданных, в том числе и нерусского происхождения – например, в случае, когда торговля осуществлялась товарами собственного производства и прямо с транспортных средств, а не стационарных лавок или складов и пр. (см., например: ЦГА РУз, ф. И-125, оп. 1, д. 138/2).

Таким образом, сохранение в Хиве закята, а порой даже и расширение круга лиц, с которых он взимался, объясняются чисто экономическими причинами, что уже само по себе свидетельствует о том, что Хивинское ханство испытало влияние России в различных сферах общественных отношений и в большой степени оказалось интегрированным в систему имперских ценностей, принципов и норм, т.е. вступило в процесс модернизации.

В Бухарском же эмирате закят сохранялся и в качестве основного сбора с населения, и в качестве торгового налога совершенно по другим причинам – в силу значительного влияния местного мусульманского духовенства и консервативных кругов среди властной элиты. В результате бухарские эмиры, несмотря на явные намеки (а порой – и прямые распоряжения) властей Туркестана или политических агентов, не шли на отмену основных налогов, предусмотренных шариатом. Даже последний эмир Сейид Алим-хан, воспитывавшийся в России и намеревавшийся провести реформы государственного устройства Бухары по европейскому образцу, в своем указе-ярлыке по поводу вступления на трон всего лишь пообещал «облегчить» налоговое бремя (ЦГА РУз, ф. И-1, о. 2, д. 715/49, № 878, сскр. 12/IX/94 г., копия), а в манифесте, изданном в марте 1917 г. (т.е. уже после Февральской революции в России), – «справедливо» взимать закят и остальные налоги (Шестаков А., 1927, с. 82).

В 1895 г. Бухарский эмират и Хивинское ханство в результате соглашений между центральными российскими властями и монархами этих государств вошли в российскую таможенную черту. В итоге на границах ханств были размещены посты с российскими пограничниками и таможенными чиновниками, а сборы с ввозимых в Бухару и Хиву иностранных товаров взимались в форме и размере, установленных в Российской империи. Тем не менее в Бухаре и Хиве в качестве основного торгового налога был сохранен именно закят. По итогам совещания в Министерстве финансов это решение было обосновано следующим образом: «Сбор закята мог бы быть оставлен в ханствах на прежних основаниях, ибо закят, как торговая пошлина, заменяет там все виды обложений торговли в других государствах» (Садыхов А.С., 1965, с. 98). Как видим, российские имперские власти вновь использовали компромисс, чтобы не вызвать чрезмерной обеспокоенности правящих кругов и населения Бухары и Хивы слишком радикальными изменениями в сфере налогообложения и таможенного дела и отменой сразу всех традиционных правовых институтов, имеющих в этих государствах многовековые традиции.

R. Yu. Pochekaev
**FROM TAMGHA TO ZYAKYAT. COMMERCIAL TAXES
IN THE CENTRAL ASIA: BETWEEN RELIGION AND LAW
(FROM THE TIMURUD EMPIRE TO THE RUSSIAN PROTECTORATES)**

This article is an attempt to observe the evolution of commercial taxation system in the Central Asia region from the Empire of Timurids (14th–15th cc.) to the establishment of the Russian Empire's protectorate over Bukharan Emirate and Khivan Khanate at the second half of the 19th – beginning of the 20th cc. Author analyzes process of replacement of Turkic-Mongol imperial duty “tamgha” by the traditional Islamic tax “zakyat” within the context of co-existence of imperial Mongol and Islamic values in the region. Also author tries to reveal the reasons why Islamic clergy fought actively for abolition of the tamgha and why the Russian government considered reasonable saving the zakyat as the basic commercial tax in the Russian Turkestan to the last quarter of the 19th c. and in the Central Asian khanates – to the beginning of the 20th c. (even after their integration into the Russian custom system). As a result, author comes to the conclusion that Central Asian authorities in their taxation policy at all stages of historical development the region attempted to find a compromise between defense of state interests and keeping in mind the religious ideology of the local population.

***Key words:** Central Asian history, Mongol Empire, Timurids, Russian Empire, taxation system, commercial taxes, Mohammedan law, tamgha, zakyat, religious ideology.*

Библиографический список

Болдырев А.Н. Еще раз к вопросу о Ходже Ахраре // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 47–63.

Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М., 1961. 442 с.

Бурхануддин Маргинани. Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. / пер. с англ., под ред. Н.И. Гродекова. М., 2008. Ч. 1, т. I–II. 808 с.

Гандемианский договор между Российской империей и Хивинским ханством // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 129–134.

Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978. 136 с.

Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков / сост. Ю.Э. Брегель. М., 1967. 539 с.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии Античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975. 175 с.

Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.; СПб., 2007. 512 с.

Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX в. М., 2004. 216 с.

Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. I. 443 с.

Ниязматов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб., 2010. 496 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. СПб., 1888. Т. VI. 595 с.

Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб., 1885. 503 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. А.К. Арендса. М.; Л., 1946. Т. III. 340 с.

Садыков А.С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX – начале XX в. Ташкент, 1965. 184 с.

Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // Труды Средне-Азиатского государственного университета. Сер. II: Orientalia. Ташкент, 1929. Вып. 1. С. 54.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. 2-е изд., перераб., доп. и испр. СПб., 2013. 384 с.

Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам-ара-йи амини / пер. В.Ф. Минорского. Баку, 1987. 169 с.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Проект «Зеркала» (Zerrspiegel) [Электронный ресурс]. URL: zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de.

Шестаков А. Бухара в 1917 г. // Красный архив. №1(20). 1927. С. 78–122.

Эфендиев О.А. Институт «суйургал» и централистская политика правителей Ак-Койунлу и первых Сефевидов // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке (Бартольдовские чтения 1975 г.). М., 1979. С. 168–175.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. 190 с.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden, 1965. 672 s. (на нем. яз.)

Mas Latrie L. de. Privileges commerciaux accordés à la République de Venise par les princes de Crimée et les Empereurs Mongols du Kiptchak // Bibliothèque de l'École des chartes, 6-e ser. 1868. Т. 4. P. 580–595 (на фр. яз.).

Mas Latrie L. de. Privilege commercial accordé en 1320 à la République de Venise par un roi de Perse, faussement attribué à un roi de Tunis, Extrait de la Bibliothèque de l'École des Chartes (Extrait). Paris, 1870. 31 p. (на фр. яз.).

Messurier A. le. From London to Bokhara and ride through Persia. London, 1889. 318 p. (на англ. яз.).

Petrushevsky I.P. The socio-economic conditions of Iran under the Il-Khans // The Cambridge History of Iran, Vol. 5: The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge, 1968. 709 p. (на англ. яз.).

Ratchnevsky P. Un code des Yuan. Vol. 2. Paris, 1972. 202 p. (на фр. яз.).